

«ДОРОЖЕНЬКА» АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Поэзия Солженицына до сих пор ждет своего ценителя. А стоило бы довериться великому писателю, оставившего всем будущим читателям «Дороженьки» знаменательное признание: «Мой труд... я знал, что ты жизнеспособен, что ты выжил и будешь жить... Ты — весь причуда, стихотворная причуда, невозможная, немислимая после столетия развитой прозы одного из величайших литературных языков. Так много мне хотелось вложить в тебя — и ничто не вместились в тебя, даже не начало вмещаться... Я изнемог от тебя ещё вдалеке от конца, я проклинал твой ритм, когда он был единственным ритмом моего дыхания...» И ещё — об этом же: «Мои произведения тюремно-лагерно-ссылных лет — они были моим дыханием и жизнью тогда. Они помогли мне выстоять». Исключительность поэмы среди всего им написанного А.И. Солженицын особо отметил в день своего 85-летия: явившейся к нему с поздравлениями группе членов Учёного Совета во главе с ректором МГУ, он преподнёс сборник своих произведений «тюремно-лагерно-ссылных лет» «Протеревши глаза», в котором поэма занимает ровно половину объёма.

«Дороженька», написанная «в уме» за пять лет — 1948—1953 гг. — самое крупное стихотворное произведение русской поэтической классики. В ней — более семи тысяч строк, гораздо больше — чем в «Евгении Онегине». И с написанными в одно время с нею поэмами современников — Твардовского и Анны Ахматовой, Расула Гамзатова и Михаила Исаковского она просто несравнима — не только по объёму, но и по временному охвату. В эти семь с лишним тысяч строк вместились годы позднего нэпа, начало, середина и конец тридцатых, война, победа и первое послевоенное время — целое двадцатилетие!

Поэма удивительна по разнообразию событийных пластов, героев, ситуаций — она охватывает именно то двадцатилетие, когда утвердившееся в советской литературе казённое единообразие вынуждало писателей единодушно обходить табуированные события и положения. «Дороженька» ещё дожждётся капитальных исследований, таких, как набоковские «Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина», или «Роман А.С. Пушкина «Евгений Оне-

гин». Комментарий» Ю.М. Лотмана. А имена тех профанов, которые публично — в Интернете или на радио «Свобода» продолжают уверять несведущую публику в том, что у «Солженицына к стихам нет ни слуха ни вкуса», недостойны даже и упоминания. Моя задача дать лишь подступ к освоению того феноменального богатства, которое явлено в одной только ритмике «Дороженьки». Всё остальное — дело будущих исследователей.

Предмет анализа — метрический репертуар поэмы. Просчитаны все семь с лишним тысяч строк поэмы, составлен инвентарь размеров, использованных автором, и этот инвентарь свидетельствует о том, что перед нами — совершенно необычное произведение, выдержанное в рамках русской силлаботоники; в нем реализовано всё разнообразие русской метрики. Все или почти все «классические» размеры плюс дольник и сказовый стих, в то время как крупные и крупнейшие романы в стихах и поэмы русской классики написаны, как правило, одним стихотворным размером. «Евгений Онегин» и «Демон» — четырёхстопным ямбом, «Мороз Красный нос» — амфибрахией чередующейся стопности, «Василий Тёркин» четырёхстопным хореем...

«Дороженька» являет собой настоящую энциклопедию размеров русской силлаботоники. Все хорей — от одно до десятистопного; все ямбы — вплоть до восьмистопного; трёхсложные размеры — дактили от одностопного до пятистопного; все анапесты, включая «главный» — четырёхстопный, амфибрахий — двух-, трёх и четырёхстопные, многие разновидности урегулированного долника (автор НЕ обращается лишь к вошедшим в обиход уже в советской поэзии тоническому стиху и тактовому; он использует инструментарий русской поэтической классики). Большинство глав «Дороженьки» написаны неравностопными строками; примеров подобных размеров в русском стихе достаточно: неравностопный ямб — у Грибоедова, он же — в лермонтовском «Маскараде». Солженицын вводит в пространство стихотворных размеров дополнительное измерение — он не только варьирует стопность стихотворных строк, но и реализует в одной и той же главе НЕСКОЛЬКО размеров, и каждый из них — с константной или варьируемой стопностью.

Конечно, попадают главы — а всего их в «Дороженьке» одиннадцать — написанные моноразмером (глава девятая «Прусские ночи» насчитывает 1360 строк, из которых 1347 хореические, и подавляю-

щее их большинство — 1316 — написаны правильным четырёхстопным хореем). Но есть и главы противоположного свойства; например, в главе седьмой — «Семь пар нечистых», в которой автор встречается с бойцами штрафной роты, практически все употребимые в русском стихе ямбы — вплоть до семистопного, все хорей, вплоть до такого уникального, как восьмистопный; двух- и четырёхстопный дактили, дольник, и целых 414 строк (из 840) написаны сказовым стихом!

При этом обнаруживается удивительная и столь же неслучайная особенность; крупные куски разных глав поэмы Солженицын пишет в русле ритмико-интонационных схем хорошо известных произведений русской классики. Вот несколько примеров подчинения собственного стиха инерции ранее существовавших ритмико-синтаксических фигур. Особенно заметными такие имитационные по сути периоды становятся там, где автор описывает сходственные по социальному признаку контингенты и сопоставимые ситуации общения. Вот примеры:

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой.
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющею тьмой...

(Андрей Белый, «Первое свидание»)
Бином. Арксинус. Вектор поля.
Ламарк. Бензольная основа.
Оторванность «Народной воли»,
«Реакционность Льва Толстого».
Давно ль мы трое на тахте,
Усевшись в дружной тесноте,
Читали «Морица и Макса»? —
Но вот — надстройка, Т—Д—Т,
«О Фейербахе» Карла Маркса.
(«Дороженька», глава четвертая)

Ещё пример:

Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно, в руке блестит
Изысканно, в руке блестит.
(Александр Блок. «Возмездие»)

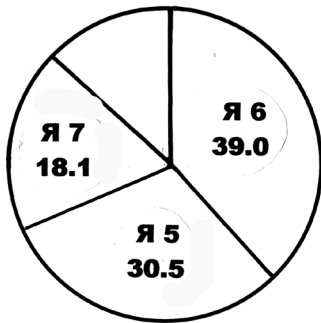
То разрисовщик по фарфору,
А то и вовсе не у дел,
Он странно нравится умел
Проникновенным разговором.
Большим чутьём, вниманьем добрым,
Уменьем видеть красоту
И смело бросить яркий образ
В души смятенной темноту.
(«Дороженька», глава четвертая)

Незатруднительно указать и более ранние метроритмические прототипы, например:

Он по летам своим был сверстник
Белинскому. Станкевич был
Его любимец и наперсник.
К нему он часто заходил
То сумрачный, то окрыленный
Надеждами, и говорил —
И говорил, как озаренный...

А это и вовсе из почти никому не известной поэмы Я.П. Полонского «Свежее предание», написанной более чем за четверть века до поэмы Блока и Белого! Встречаются фрагменты, словно скалькированные с Некрасова («Еду ли ночью по улице тёмной») и даже с Огарёва («К подъезду! — Сильно за звонок рванул я»). Предлагаю наглядные диаграммы, раскрывающие метрическое разнообразие поэмы «Дороженька» (рис. 1 — 5); каждый круг соотнесен с определённой главой поэмы, а процентам стихотворных строк, написанных различными, доминирующими в главе размерами, соответствуют размеры секторов, на которые разбиты круги.

ЗАРОЖДЕНИЕ

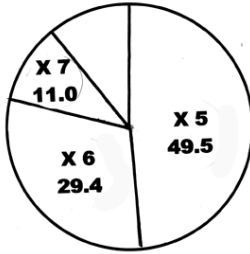
ВСТУПЛЕНИЕ

Рис. 1.

Видно, что автор индивидуализирует метроритм, ставит ему в соответствие вполне определённый событийный пласт, конкретные, не повторяющиеся от главы к главе ситуации, приспособливает его для типизации персонажей поэмы. Задача будущего исследования — установить, какой изобразительной функции служит авторский выбор определённой совокупности размеров для каждой главы; уместно лишь напомнить, что первым, представившим обширный и доказательный

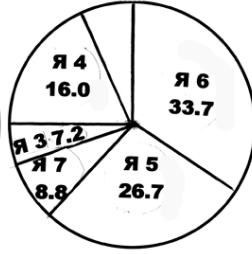
МАЛЬЧИКИ С ЛУНЫ
глава 1

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ
глава 2

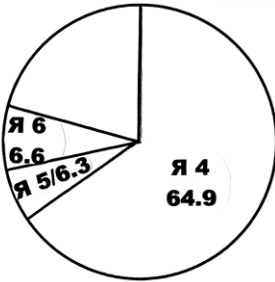
СЕРЕБРЯНЫЕ ОРЕХИ
глава 3

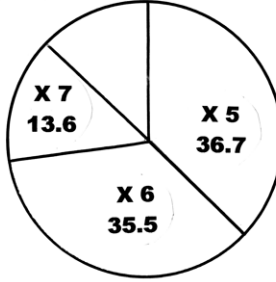
Х 3 - ТРЕХСТОПНЫЙ ХОРЕЙ, Я 5 - ПЯТИСТОПНЫЙ ЯМБ,
АН 4 - ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЙ АНАПЕСТ, АМФ-3 - ТРЕХСТОПНЫЙ
АМФИБРАХИЙ, Д 4 - ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЙ ДАКТИЛЬ,
ДОЛЬН - УРЕГУЛИРОВАННЫЙ ДОЛЬНИК.

Рис. 2.

ТУ, КОГО ВСЕГО СИЛЬНЕЙ...
глава 4

БЕСЕДЬ
глава 5

В А Н Ъ К А
глава 6

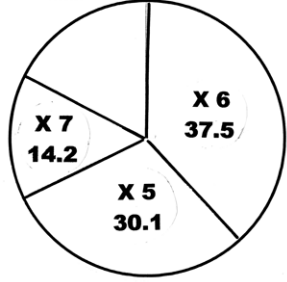
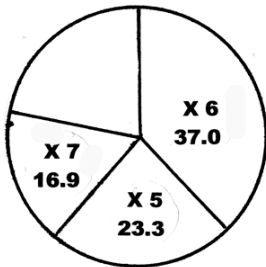
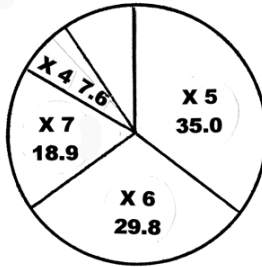

Рис. 3.

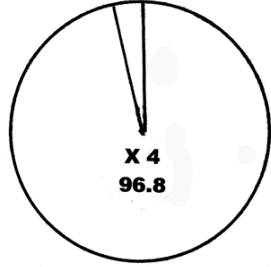
СЕМЬ ПАР НЕЧИСТЫХ
глава 7

КАК ЭТО ТКЕТСЯ
глава 8

ПРУССКИЕ НОЧИ
глава 9

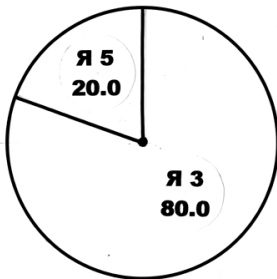

ПРОЦЕНТЫ НА КРУГОВОЙ ДИАГРАММЕ
ИСЧИСЛЯЮТСЯ ОТ ПОЛОВИННОГО ОБЪЕ-
МА ГЛАВЫ (СИЛЛАБОТОНИЧЕСКИЕ РАЗ-
МЕРЫ): ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГЛАВЫ -
С К А З О В Ы Й С Т И Х (49.4 %)

Рис. 4.

И ТЕБЕ, БОЛВАН ТМУТАРАКАНСКИЙ !

глава 10

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

глава 11

Рис. 5.

материал по семантике размеров русской силлаботоники, был М.Л. Гаспаров (1970-е годы). В частности, придётся найти объяснение и тому, с какой целью в главах пятой и шестой, различающихся и фабулой и человеческими контингентами, автор использует всё те же три хорейческих размера — хорей пяти, шести и семистопного наполнения! Попутное наблюдение, также требующее более узкого теоретического осмысления — почему в главах с длинностопными хорями НИКОГДА не встречаются хорей четырёхстопные. Таких вопросов, оставляемых на потом, — множество.

Незаполненные сектора вбирают в себя размеры, играющие подчинённую роль и появляющиеся в одной или нескольких строках: их назначение — в перебиве складывающейся ритмической инерции. Можно соотнести их появление с приёмом, реализованным автором в «Августе Четырнадцатого», где куски текста словно телескопически пододвигаются вплотную к читателю, становятся подобием кинематографических кадров (в «Августе...» они маркированы знаком равенства, печатаемым на полях).

На стиховедческом семинаре М.А. Красноперовой (май 2002 г.), когда я впервые рассказывал о наблюдениях за стихотворным инструментарием автора «Дороженьки», меня спросили: есть ли какие-то закономерности перехода от одного размера к другому? Теперь подоспели результаты подсчётов, выполненных в поисках ответа на поставленный вопрос. Две таблицы — это квадратные матрицы, в клетках которых числами указаны вероятности переходов от одних размеров к другим, выраженные в процентах. В математике подобные матрицы известны как марковские; в физике такими математическими шаблонами описываются переходы электронов между квантовыми подуровнями атомов (матрицы плотности). Составленные математические

образы (матрицы) отвечают главам первой и шестой, написанных с использованием почти всех хореических размеров. Важный вывод становится заметным сразу: близкие по стопности размеры (шести-стопный и семистопный при доминирующем ПЯТИСТОПНОМ и пяти-, и семистопные при доминирующем ШЕСТИСТОПНОМ) выполняют функции ритморасширителей, дополнительных модуляторов метроритма.

Есть главы — их в поэме меньшинство, где либо господствует моно-размер, либо наблюдается стыковка размеров по принципу мозаики. Глава девятая — «Прусские ночи» — за очень редкими нарушениями написана стремительным четырёхстопным хореем. Советские мстители врываются в оставленную немецкой армией Восточную Пруссию и —

Ни гражданских, ни военных
 Немцев нет, но в тёплых стенах
 Нам оставлен весь уют,
 И сквозь дым, сквозь чад, сквозь копоть,
 Победители Европы,
 Всюду русские снуют;
 В кузова себе суют <...>
 В нашей жизни беспокойной —
 Нынче жив, гляди — убит.
 Мил мне, братцы, ваш разбойный
 Не к добру веселый вид.

Вершители двойного возмездия — за ещё дымящиеся русские села и города, и за Армию генерала Самсонова в августе 1914-го — несутся неостановимой лавиной — и размер строк, воспроизводящих страх перед набегом мстителей, подсознательно настраивает читателя на их восприятие в инерции с детства запавших в память недобрых пушкинских «Бесов». По другому автор конструирует главу седьмую («Семь пар нечистых») — в ней капитану Солженицыну поочередно у ночного костра рассказывают свои истории солдаты-штрафники. И выбор размера служит речевой индивидуализации каждого говорящего, а самому пожилому из них — Кузьме, автор «доверяет» редкий в русской поэзии сказовый стих (из пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде»).

Что ж, спрашиваю, добрые люди — зачем, да откуда?

Хозяину знать не худо.

Кто у вас тут старшой?

Подступил ко мне тот, кто одет старшиной,

Пожди, отец, насмотришься всякого,

Старшего нет у нас, все одинаковы.

Наконец, в одиннадцатой, заключительной главе «Дым Отечества» в качестве организующего размера выбран трёхсложный амфибрахий (имитирующий перестук вагонных колес) — автор на открытой товарной платформе совершает долгий обратный путь — в Москву и далее — к месту заключения. Нередко амфибрахий «модулируется» дольником.

То выступит конус костельный,

Мелькнет на пролеске жильё...

А мысли невольно, невольно

Стучат и стучат своё.

То сказочный конь «студебеккер»

С разбегу влетит на откос ...

Я еду — как Кюхельбекер

На царский пристрастный допрос.

Заканчивая этот первый приступ к исследованию «стихотворной причуды, невозможной, немыслимой после столетия развитой прозы одного из величайших литературных языков», хочется поделиться отдельным наблюдением — почему-то автор ставит свою «Дороженьку» в ряд «развитой прозы» при, как становится очевидным в процессе метрического анализа поэмы, несомненном поэтическом мастерстве Солженицына. В ходе перечитывания «Дороженьки» у исследователя не раз возникала жанровая параллель — с «Историей моего современника» В.Г. Короленко. Фундаментальная охватность событий двадцатилетнего периода в поэме действительно не находит точного эквивалента в ряду чисто стихотворных произведений русской классики! Это не ритмизованная проза (как «Петербург» Андрея Белого), но уже и не только стихи. Солженицын — автор удивительного «Русского словаря языкового расширения»; разве «Дороженька» не образец ещё одного «расширения» нашей литературы — жанрового?